

ТРИ ГОДА В МОСКВЕ – СТАЛИНСКАЯ РОССИЯ

ГЛАЗАМИ АВСТРАЛИЙЦА

Джозеф Александер (Alexander, Joseph Aloysius - 1892–1983) был 1-м секретарем посольства Австралии в Москве в 1944-47 годах. Он видел Россию в последние месяцы Второй Мировой Войны и стал свидетелем начала Холодной Войны. Его отношение к Советской России очень противоречиво – он восхищался военными успехами Советской армии, любил русскую культуру, простых русских людей, но относился с резкой антипатией, а то и с ненавистью к коммунизму, советской политической системе и верхушке советского общества. Он быстро разглядел пропасть между его двумя основными классами и, будучи типичным австралийцем, выросшим в стране, для которой всегда были характерны традиции равенства и товарищества, не мог принять советскую классовую иерархию, не имеющую ничего общего с коммунистическими лозунгами. Далеко не со всеми его суждениями о сталинской России можно согласиться. Александер так и не сумел понять, что именно коммунистическая система со всеми ее пороками и недостатками обеспечила России победу над нацистской Германией и превращение страны в сверхдержаву в послевоенные годы, потребовав от советского народа огромных жертв и лишений в 1930-40-е годы.

Его книга «Под Тенью. Три Года в Москве» (In the Shadow. Three Years in Moscow), на которой основана эта страница, была опубликована в 1949 году, но не потеряла своей ценности и сегодня, спустя более чем полвека. В ней есть одно очень важное наблюдение – Холодная Война началась не после окончания Второй Мировой войны, а во время нее. Противоположные социальные системы просто не могли мирно сосуществовать, и обеспечивший победу над нацизмом непрстой и хрупкий союз между Советской Россией и демократическими странами Запада, был обречен на разрыв уже в первые послевоенные годы.

Россия – страна неповторимой красоты. Она очаровывает любого иностранца, который прожил в ней достаточно долго, чтобы ощутить все разнообразие ее климата и природы. Больше всего заслуживают любви ее люди, свойства души и сердца которых неизбежно притягивают к себе. Вот почему я и моя жена, прожив здесь почти три года, расстались с ними с чувством большой потери и ворохом чудесных воспоминаний об этих щедрых и талантливых людях.

Русские живут во тьме коммунистической диктатуры, у которой нет никакой веры ни в Бога, ни в человека. Для них эта тьма сумрачнее, чем для нас, но она коснулась и нас и продолжает расползаться, угрожая разрушить все самое лучшее, что есть в нашей цивилизации, все что имеет непреходящую ценность для каждого. Ее колдовской наговор может быть рассеян только светом правды, и каждая частица правдивой информации о жизни русских людей важна для каждого австралийца. Наше преимущество перед коммунизмом в том, что мы верим в древние слова: «Велика Правда, и она победит.»

28 августа 1944 г.

Поднимается заря Победы. Каждый вечер гремят кремлевские орудия, каждый вечер - великолепный салют. Сегодня мы наблюдали с Моховой, как взлетали ослепительные разноцветные ракеты, превращающие ночь в день, и слышали между вспышками грохот кремлевских орудий.

3 сентября 1944 г.

Сегодня после полудня посетили Парк Культуры и Отдыха имени Горького, о котором столько говорят, и столкнулись с тем, что вход стоит один рубль. Ни разу не слышал о платном входе в общественный парк. Как парк, он не представляет собой ничего особенного кроме того, что живописно расположен вдоль Москвы-реки, но в нем находится производящая большое впечатление коллекция трофейной немецкой техники...

19 сентября 1944 г.

Меня изумило и обеспокоило то, что военные усилия Британского Содружества едва ли находят упоминание в советской прессе, а о ленд-лизе вообще ничего не пишут. Когда адмирал Стэндли, бывший посол США, несколько месяцев назад выразил свое недовольство этим, я был крайне возмущен его выпадом против наших советских союзников, но теперь я здесь, и я восхищен этим всплеском благородного негодования.

Пятница, 22 сентября 1944 г.

Операциям на Втором фронте отведено несколько строчек на последней странице «Правды», и чувствуется общая атмосфера преуменьшения того, что делается западными союзниками. Все это еще более удивляет после резких жалоб на задержку с открытием Второго фронта.

С момента моего приезда я пытался найти ответ на вопрос: что представляет собой политическая система, именуемая Большеви́змом? Прошло много месяцев, пока я не начал находить ответ. В то же время, мне стало ясно, что в условиях большевистского режима уровень жизни русских рабочих гораздо ниже, чем в Австралии. Массы людей живут серой, тусклой жизнью, по условиям напоминающей нашу страну во времена депрессии 30-х годов... Следует признать, что наблюдателю в Советском Союзе приходится непросто из-за трудностей в получении точной информации и барьеров, которые разделяют иностранцев и людей в общем и официальных лиц, в частности. Кроме того, я всегда пытался привлечь во внимание ужасающие потери и разрушения, причиненные войной...

Московские жилищные условия и снабжение продуктами ниже, чем мог бы себе это представить обычный австралийский рабочий, и, в целом, привилегированные классы относятся к этому равнодушно. Последние состоят из партийных чиновников, старших армейских офицеров, бюрократов высокого уровня, интеллигенции, популярных артистов, управленческого аппарата в промышленности.

Привилегированные классы, то есть, те, чьи услуги представляют собой особую ценность в деле укрепления режима в военном, экономическом и «культурном» отношениях, отстранены от масс и живут в своей улучшенной среде обитания. У них свои магазины со специальными ценами и снабжением. Во многих случаях они едва ли имеют понятие, хотя, может быть, и знают в самых общих чертах, о жутких бытовых условиях, в которых живут остальные.

По-моему, пробным камнем Советской системы являются условия жизни рабочих и их доля в результатах труда. Фактически, уровень жизни [советских] рабочих достоин сожаления по сравнению с Западом, и Советы не могут больше рассматриваться как революционное государство, которым управляют от имени или для блага рабочих и крестьян. Скорее, его нужно рассматривать как очередную диктатуру, нацеленную на продление своего собственного существования и поддерживающую свою власть за счет принуждения и физического контроля над всем необходимым для жизни, достигнутого уровня, ранее неизвестного в истории человечества.

Для человека, выросшего в демократической Австралии, наиболее поразительным элементом советского режима являются привилегии, дарованные людям, особенно нужным режиму, и экономическая дискриминация рабочих путем несправедливого распределения продуктов питания и жилья. Известно, что советский режим открыто отвергает уравниловку, что характерно и для капиталистической системы. По этому пункту между ними полное согласие. Но как может советская система называть себя инструментом социальной справедливости, превосходящим любую другую систему, когда она не беспокоится о материальном благополучии масс? Она содержит специальные магазины, склады и благотворительные учреждения для своего привилегированного класса, предоставляет ему лучшие квартиры, места для отдыха... Эти привилегированные классы представляют собой преторианскую гвардию большевистского режима, оплот социалистического государства. Они состоят, как уже говорилось, из военных, тайной полиции, интеллигенции, артистов, литераторов, высшего слоя бюрократов, управленческого аппарата промышленности и партийных чиновников...

Если советская система и имеет отношение к политике улучшения жизни всего человечества, то я не нашел никаких вещественных доказательств этого. Разумеется, я каждый день мог прочесть в газетах, что так оно и есть, что режим нацелен на материальное благополучие людей, и что все, что им нужно делать, - это работать лучше, а за этим последует всеобщее изобилие, и что изобилие это давно наступило бы, если бы не внешние причины и махинации капиталистов. Но все это было не более чем лозунгом типа «на небе ждет тебя пирог» из нескладных стишков ИРР (*организации «Индустриальные Рабочие Мира» - левая организация первой половины 20-го столетия – ВК*). Это был газетный базар, слова. Я не увидел никакого намека на программу

всеобъемлющего улучшения жизненных условий, чего так требовала ситуация. Потери, которые понес советский народ в войне, были ужасными, и этот факт нужно принять во внимание. Но невозможно отделаться от мысли о том, что многое могло быть сделано для улучшения жизни людей, если армия была бы демобилизована сразу по окончании войны. Мы знаем, что неспровоцированная агрессия против Советского Союза сейчас едва ли возможна. Трагедией для всего мира является то, что правители России верят в такую возможность и каждый год призывают до 900 000 своих молодых людей из промышленности в вооруженные силы, не считая технических специалистов и офицеров, которые все еще остаются в армии со времен войны, окончившейся несколько лет назад. Советы постоянно оказывают все виды дипломатического, политического и морального давления на Англию для того, чтобы заставить ее уменьшить свои вооруженные силы. Им самим следовало бы показать пример, учитывая то, что у них самая большая в мире армия.

26 декабря 1944 г.

Рождество омрачено для местных (находящихся в Москве – ВК) британцев наступлением фрицев и проблемами, с которыми Британия столкнулась в Греции. Эти неприятности указывают на то, что нас ожидает в будущем. Советская пресса преуменьшает масштаб немецкого наступления и весьма критически относится к той роли, которую Британия играет в Греции.

28 декабря 1944 г.

Я хорошо вижу теперь, что пресса пренебрежительно отзывается о наступлении фрицев на Западном фронте, и жесткий советский контроль над информационными каналами приводит к тому, что советскому читателю и [радио]слушателю вся ситуация в мире видна словно через дальний конец телескопа, и события, происходящие в Западной Европе и на Тихом океане, кажутся ему микроскопическими. Телескоп поворачивается обратно, когда дело доходит до показа советских достижений. Это производит эффект и на иностранцев, затрудняя восприятие ими событий, в которых принимают участие Британия и Америка.

Контроль Советов над общественным мнением дает им грандиозную стабильность, которая невозможна в условиях ни одной из Западных демократий. Советы создают свое собственное общественное мнение, и не разрешен даже малейший намек на отсутствие единства мнений.

В сущности, русские – нация индивидуалистов (уважающих высокие этические принципы, посвящающих себя духовным аспектам жизни, осознающих то, как человек должен относиться к другому человеку, любящих абстрактные добродетели, в прошлом – очень религиозных (а старшее поколение религиозно до сих пор), – народ чувствительный, благожелательный и обычно радостный (хотя и крайне переменчивый (в настроении – ВК)). Русские всегда интересуются жизнью, людьми и внешним миром. Они сознают, что могут внести огромный вклад в дух и мысль мира, расположенного за Железным Занавесом; и то, что их лишили контактов с современной жизнью. Для мыслящих русских людей старшего поколения это является одной из главных потерь.

Русские очень гордятся своим прошлым, и у них есть все основания для этого; а советский режим усердно старается обратить это чувство себе на пользу, интегрируя или пытаясь интегрировать большевистское настоящее с историческим прошлым. Самые мыслящие русские отдают себе отчет в том, что Судьба обманула их, и что они ничего не могут с этим поделать. Им приходится принимать настоящее, но они делают это с той отрешенной покорностью и, кажется, с неограниченной способностью переносить страдания, жертвы и лишения, которая потрясает иностранцев.

Личные качества русских, в общем, самые привлекательные и обаятельные. Они занимательны, готовы ублажать других, но также четко осознают, что причитается им лично. Это чувство часто подавляется обстоятельствами, но его невозможно погасить никаким идеологическим давлением. Как бы ни был скромнен социальный статус отдельного русского, встреченного мною, меня всегда поражало его природное достоинство, самообладание и полное отсутствие вульгарности, которая столь часто присуща людям из других стран с подобным образом жизни. Среди иностранцев, живущих в Москве, говорили так: «Подумай об одном из русских, и ты будешь думать о том, кого ты любишь».

Так что, зерна коммунизма упали в России на каменистую почву. Люди получают в ежедневных идеологических статьях тенденциозную информацию. Ничего другого в советских газетах они прочесть не могут. Кажется, у них есть способность пропускать все это мимо ушей, и впечатления на них все это не производит. Они – убежденные патриоты, но не националисты в агрессивном смысле этого слова. То есть, их любовь к России, вера в ее величие и предназначение непобедимы: но они не воители и не агрессивный народ. Они хотят, чтобы их оставили в мире и покое, и хотят знать, что происходит в таинственном [зарубежном] мире. Агрессивная экспансионистская политика коммунизма не вызвана настроением масс. На самом деле, она им весьма чужда. Всегда готовые защитить Россию, если на нее нападут, до последнего мужчины, женщины и ребенка, они хотят исключительно мирных отношений с другими народами. У них нет враждебности к политическим системам и политике других стран. Все это развито до такой степени, что если бы русский народ имел право голоса в данном вопросе, мир во всем мире был бы, вне всякого сомнения, в безопасности.

Моральные нормы у русских высоки. Легкость в разводах и аборты, привнесенные революцией в 1917 году, исчезли, как кошмарный сон. Они были несовместимы с инстинктами русских. Советская система с ее низким жизненным уровнем и плановой занятостью для мужчин и женщин делает возможными ранние браки, и семьи здесь большие. Ранние браки в сочетании высокой рождаемостью дают Советам возможность опережать в росте населения страны Запада за исключением, возможно, Соединенных Штатов. Девочек учат избегать выставления напоказ своей сексуальности. На публике и в частной жизни они скромны и застенчивы до степени, уже почти забытой во многих других странах. В Москве никогда не было культа ветрености, разгоряченности [в любви], *бобби-соксерс (bobby soxers – экстравагантно одетые молодые люди, стилиаги – ВК)*. В этом отношении российская молодежь отстала на полвека, и это очень хорошо для нации. Настрой советской администрации по отношению к нравственным нормам очень суровый, даже пуританский. Зрелища и книги чище, я полагаю, чем в любой западной стране – ничего непотребного или непристойного не разрешается. Неподобающие книги, сувениры из прошлых времен запрещены. За три года я ни разу не видел на улице проституток. Поведение на публике и в частной жизни строго регулируется милицией и силами МВД. Специальный Департамент терпимо относится к связям между иностранцами и русскими девушками при условии, что нет никаких публичных скандалов, но я замечал, что в ряде случаев после отъезда иностранца девушка исчезала. Я знал об одном неприятном случае, когда девушку, имевшую отношения с иностранцем, выслали в Сибирь.

Русские из неофициальных кругов, которых я встречал, произвели на меня впечатление тем, как они легко поддавались внешнему влиянию. Вероятно, это одна из главных причин изоляционистской политики режима. Люди, которых я встречал, были полны желания узнать все об иностранцах, их образе жизни, обычаях и взглядах.

5 января 1945 г.

Сегодня вечером мы пошли на просмотр фильма «Иван Грозный». Это замечательная режиссерская работа (Эйзенштейн), задуманная как героический эпос с темой, тесно связанной с современной политикой. Это открытый призыв к воинственному патриотизму, которому нужна еще большая мощь или даже доминирующая роль для

Советского Союза, призыв к достижению Россией того, что предназначено ей судьбою, как представлял себе это Иван Грозный. Моменты, которые поразили меня, включали религиозную церемонию коронации нового Царя – это занимает значительную часть фильма – частые обращения к Всевышнему, но без какого-либо упоминания Христа. Эта тема, подумал я, является знаком времени так же, как и теперешняя советская политика в Румынии, Польше и Иране. Главная идейная нагрузка заключается в словах Ивана: «Два Рима пало, а третий – Москва стоит [и четвертому Риму не быть]».

23 февраля 1945 г.

21-я годовщина создания Красной Армии. Газеты полны совершенно обоснованных восторгов по поводу успехов Красной Армии во Второй Мировой войне, но в них нет ни слова похвалы в адрес союзников: о них говорят словами, полными пренебрежения, почти что презрения.

28 апреля 1945 г.

Один из членов Британской Военной Миссии сегодня сказал мне, что Советский Союз не разрешит Миссии основать свой военный госпиталь. Он провел какое-то время на Севере и очень раздосадован нежеланием предоставить британцам место в Москве после того, как 9 миллионов фунтов стерлингов были посланы из разбомбленной Англии советскому Красному Кресту. Он сказал мне, что видел, как в Мурманске сгружали красивую машину скорой помощи. На ней была табличка: «Подарена детьми из Кингстона-на-Темзе». Он видел своими собственными глазами, как мелкий советский чиновник бесцеремонно оторвал ее и выбросил в море.

Люди из Британской Военной Миссии изумлены неприемлемыми классовыми различиями в Красной Армии. Они говорят, что пенсия вдовы капитана (с двумя детьми) составляет 450 рублей в месяц, вдовы маршала - 5000 в месяц, в дополнение к единообразно выплаченной сумме в 20000 рублей.

14 апреля 1945 г.

Сегодня после полудня мы пошли в американское посольство, чтобы принять участие в траурной церемонии по поводу кончины президента Рузвельта, смерть которого потрясла нас всех. Панихида была чудесной в своей простоте и неформальности, но очень торжественной и производящей впечатление. Мне понравилось, что вел ее сержант, демонстрируя демократический стиль Молотову и другим советским тузам, которые там присутствовали. Идея того, чтобы предоставить человеку невысокого звания ведущую роль во время большого события или демонстрации для Советов просто немыслима.

19 апреля 1945 г.

Преднамеренное умаление того, что было сделано Британией во время войны плюс то, что я слышал в Военной Миссии об отношении к британским морякам на Севере, - тем, кто жертвовал своими жизнями для того, чтобы доставить грузы в Советский Союз, обратили меня против этой системы даже больше, чем классовые различия и пренебрежение нуждами масс. Вскоре после приезда мне рассказали о случае с двумя британскими моряками, которые привезли грузы по опасному Северному пути, где погружение в ледяную воду на несколько секунд означает смерть. Они ввязались в пьяную драку в Мурманске или Архангельске, точно не помню где. Советы отказали британскому адмиралу в праве разбираться с ними и привлекли их к суду по советским законам. Поскольку они были простыми моряками, каждый из них был приговорен к тяжелым работам: один на 12 месяцев, а второй на 9 месяцев. В нашей стране штраф

в пару фунтов был бы достаточен. Но эти британские моряки, у которых отняли их права, по [советским] законам получили тяжчайшее наказание – другими словами, с ними поступили, как с советскими гражданами.

Статья в «Правде» указывает, что советские люди внесли важнейший вклад в победу над гитлеризмом. Но «Правда» не упомянула поставки в Советский Союз 16,250,000 тонн военных грузов между октябрём 1941 года и февралем 1945 года, не считая доставленных своим ходом самолетов.

21 апреля 1945 г.

Наконец в результате сильного давления со стороны американцев в московской прессе появилась заметка о помощи, полученной Советами от США. Перечисленные поставки составили 13000 самолетов, 50000 джипов, 12850 броневых автомобилей, более 300000 грузовиков и 37000 других единиц техники. И это далеко не все.

28 апреля 1945 г.

Теперь, когда победа совсем близка, грустно сознавать, что ее величие омрачено неутешительными реалиями взаимоотношений между союзниками, и, исходя из того, что я читаю в здешней прессе – постоянным умалением роли помощи союзников Советам.

9 мая 1945 г.

Советы объявили об окончании войны с нацистской Германией не ранее чем в 2 часа дня, хотя они приняли участие в подписании соглашения о безоговорочной капитуляции в Реймсе в понедельник в 2.41 ночи, а сейчас уже среда! Русским не сказали об этом в тот день, а только сообщили о подписании [документов о капитуляции] вчера в Берлине маршалом Жуковым и другими. По этому случаю сегодняшний день объявлен Днем Победы и выходным. Люди демонстрируют огромное дружелюбие по отношению к американцам, и толпы по русскому обычаю многократно подбрасывают в воздух офицеров.

17 мая 1945 г.

Последней каплей в море постоянного преуменьшения роли усилий союзников в войне стала статья Ильи Эренбурга в «Известиях», в которой он, притворно похвалив союзников, написал, что «они заслужили свое место у стола победителей», а затем с бесстыдством добавил, что в момент нападения Германии на Советский Союз, «советский народ был в одиночестве». Здешняя линия теперь заключается в том, чтобы не упоминать советский пакт с Германией и помощь, которую получили Советы после нападения на них. Интересно, что случилось бы с Советами, если бы они и в самом деле остались одни - иначе говоря, если Британия и Америка были бы в состоянии мира с Германией в 1941 году. Так фальсифицируется история для миллионов людей.

22 мая 1945 г.

«Красная Звезда» опубликовала статью, в которой утверждается, что Германия выиграла войну к тому моменту, когда Советы вступили в нее. Другие газеты пишут, что народы Европы обязаны своим освобождением «прежде всего и больше всего Красной Армии». Весь мир от всей души благодарен Красной Армии за то, что она сделала, но я не могу избавиться от горечи, поскольку здесь я так и не прочел ни строчки честной похвалы в адрес кого-либо из союзников, ни одного слова признательности за полученную Советами помощь.

23 июня 1945 г.

Эренбург, покровительственный тон которого более отвратителен, чем его враждебность, пишет в своей последней статье: «Мы с добрым солдатским чувством думаем о Лондоне, который устоял». Так, пренебрежительно отзываясь о военных усилиях Британии, он говорит: «Только одна рана, полученная фашизмом, оказалась смертельной – нанесенная ему Красной Армией под Сталинградом».

Одной из наиболее разоблачительных черт советского режима в его собственном доме является его отношение к иностранцам, которым разрешили жить в Советском Союзе. Эти люди находятся почти исключительно в Москве. Рассмотрение этой темы представляет особый интерес для людей из других стран, которые могут сравнить полную свободу перемещения и контактов, предоставленную советским представителям, например, в Австралии, с препятствиями, которые существуют в Москве. Люди, которые никогда не сталкивались с этими барьерами, никогда не поймут их истинного значения и масштабов. Это - непростое явление, произрастающее частично из самой природы коммунизма, и, частично, из внутренних и внешних проблем, с которыми приходится сталкиваться большевикам. Подозрительность и неприязнь (иногда даже ненависть), исходящие от тех, кто представляет собой государственный аппарат и привилегированные классы, но редко, если вообще когда-либо, от обычных людей, играют значительную роль в жизни иностранцев в Москве. Это симптоматично для бесцеремонных манер, демонстрируемых Советами всему миру в их внешней политике...

Контакты с иностранцами в Москве не разрешаются вне пределов минимума, необходимого государству в его отношениях с дипломатическим корпусом и другими иностранными делегациями и гостями, которых впустили за железный занавес. Разумеется, в Москве вообще бы не было никаких иностранцев, если бы Советы не видели выгоды в обмене дипломатическими представителями и в немногочисленных контактах, разрешенных на официальном и полуофициальном уровне. Для чиновника обычное, нормальное дружелюбие в общении с иностранцем – самое опасное дело. Даже подозрение в подобном отношении вполне в состоянии сломать его карьеру. Таким образом, между советскими чиновниками и иностранцами имеется железный занавес. Вы можете достичь какого-то уровня дружелюбия в беседе, но за пределами этого – ничего. Сегодня вас могут поприветствовать с дружеской улыбкой по особому случаю, а на другой день на вас только лишь кинут взгляд. Если вы удивитесь и попытаетесь продолжить беседу, на вас посмотрят мрачным взором через плечо, пробормочут извинения – «извините, очень занят» - и быстро удалятся. Нормальные человеческие отношения в подобных обстоятельствах невозможны. Обычно во время встреч с советскими чиновниками господствует напряженная и стесненная атмосфера, и это объясняет присутствие групп людей с мрачными лицами, стоящих особняком на дипломатических приемах, нервные взгляды, направленные на то, чтобы убедиться, что другие русские находятся поблизости, ранние уходы трудных гостей. В Москве плохо быть иностранцем... В каких-то пределах, о которых будет сказано позднее, советские чиновники принимают приглашения на дипломатические приемы, но сами они или их жены никогда не принимают никого из Дипломатического Корпуса. Жены советских чиновников редко приходят на приемы, и практически невозможно обзавестись знакомствами среди русских официальных лиц, не говоря уже о друзьях, навестить их или пригласить в гости.

Сразу после приезда я был шокирован, узнав о дурном обращении и жестоком наказании за драку в пьяном виде британских моряков. Я обнаружил, что об этом тогда много говорили члены Британской Военной Миссии в Москве, естественно тяжело переживавшие обиду. Мне казалось невероятным, что с представителями союзных вооруженных сил, рисковавших собой, чтобы помочь Советскому Союзу, могли плохо обращаться представители власти. Тем не менее, это неоспоримый факт. О них много писал в своей книге о России "Russian Outlook" («Взгляд на Россию») генерал-лейтенант Сэр Гиффард Мартел, бывший глава Британской Военной Миссии, который покинул Россию незадолго до моего приезда. Его книгу стоит прочитать хотя бы для того, чтобы узнать, что пришлось

вытерпеть британским морякам по окончании плавания по Северному Пути, и каким было истинное отношение режима к дружественно настроенным иностранцам. Я так никогда и не оправился от шока от этих откровений. Весь дипломатический корпус говорил об этом в то время, когда оптимистические надежды на тесную, постоянную и плодотворную дружбу между Британией и Советским Союзом искренне разделяли британские лидеры и британская пресса.

Когда я приехал в Москву летом 1944 года, барьеры для иностранцев из союзных стран были слегка снижены (временно, как показала жизнь). Позиция по отношению к русским, вступающим в контакт с иностранцами, определялась статьей 58 (4) (редакция 1942 года) Советского Уголовного Кодекса, которая предусматривала жестокие кары против граждан, предоставивших какую-либо помощь представителям «международной буржуазии», «стремящимся внести изменения в советский строй». В свете этой статьи служба безопасности могла арестовать и наказать любого советского гражданина, чей контакт с иностранцами мог трактоваться как контрреволюционный. Таким образом, даже в условиях военного союза против общего врага, дамоклов меч висел над головой любого русского, имевшего несанкционированный контакт с иностранцами. Как я говорил выше, были определенные категории советских граждан, которые имели разрешение на специально оговоренные контакты, формы которых варьировали в зависимости от того, кто это был. Помимо персонала ВОКСа (Всесоюзное Общество Культурных Связей [с зарубежными странами]) и тех, кто был зарегистрирован для контактов с иностранцами через Бюро по Обслуживанию Иностранцев, следующие категории русских получали на это разрешение: 1) так называемые «Ручные (неопасные, одомашненные) русские», то есть, небольшое число чиновников высшего ранга, представителей интеллигенции, театральные деятели, артистов; 2) официальные лица – преимущественно, из Наркоматов Иностранных Дел, Внешней Торговли и отдела печати НКВД, в чьи обязанности входило общение с дипломатическим корпусом и корреспондентами; 3) представители Интуриста; 4) секретари [иностранных] корреспондентов; 5) девушки, часто, но необязательно, относящиеся к разряду «шлюх» и часто, но необязательно, посаженные к иностранцам службой безопасности.

Многие из этих девушек были студентками, изучающими английский язык в Московском Институте Иностранных Языков, которым, несомненно, потворствовали в поисках подобных контактов для языковой практики. Эти девушки-студентки, чье поведение было неизменно самым достойным, сильно отличались от «шлюх», которые звонят вновь прибывшим в гостиницы и стараются договориться о свидании. Другой тип - девушки для «хорошего досуга», которые буквально толпами свободно общались с персоналом американской и британской военных миссий в 1944 году, - более всего интересовались иностранными чулками, туфлями и продуктами, находившимися в распоряжении военных миссий.

На вершине группы людей, которым официально разрешали общаться с иностранцами в Москве по особым случаям, находился состарившийся Литвинов – когда-то фигура мирового масштаба и автор фразы «Мир неделим»; один из тех, кто пытался создать в 30-е годы систему коллективной безопасности, направленную против нацистской угрозы. С ним рядом в случаях, когда имели место «англо-американские» встречи, обычно был Майский, бывший советский посол в Англии. Эти двое участвовали в приемах, мало что говорили кому-либо и обычно рано исчезали. Их использовали в качестве «свадебных генералов», чтобы показать, что контакты с иностранцами имеют место. Илья Эренбург, автор гневных и обличительных антибританских и антиамериканских писаний, был другим привычным персонажем международных приемов, и, спускаясь ниже по советской иерархической лестнице, можно вспомнить архитектора Александрова, который появлялся довольно часто, и которому была разрешена большая свобода взглядов и поведения, чем кому-либо другому из числа советских официальных лиц, которых я помню. Были другие, которые появлялись от случая к случаю - поэт Маршак, переводчик стихов с английского на русский; Бородин, который едва не стал советским диктатором в Китае, а теперь является редактором газеты *Moscow News*, - один из немногих выживших старых

большевиков. Все это было монотонным и почти что жалким зрелищем – видеть одни и те же малочисленные лица раз за разом на английских или американских приемах. Показуха была слишком плохо прикрытой.

Только в тех случаях, когда прием был организован какой-либо страной-сателлитом или в ее честь, наблюдался большой наплыв русских. Тогда они приходили толпами, и можно было ослепнуть от советских орденов и золотой тесьмы. Прием в югославском посольстве уже в 1945 году, собирал в десять раз больше русских, чем американские или британские приемы.

Работники Союзных Военных Миссий, и, позднее, военные атташе союзных посольств не имели возможности даже встретиться с русскими офицерами, не говоря уже о том, чтобы обсудить с ними служебные вопросы. Контакты между ними и советским военным персоналом были строго ограничены формальными публичными приемами. В то время (в конце войны – ВК) большие надежды возлагались на перемены в настроении советского руководства, последовавшие за его избавлением от угрозы [военной] катастрофы и предоставлением ему щедрой помощи, особенно в виде огромного количества военного снаряжения. Наблюдалось несомненное смягчение позиции по отношению к иностранцам, и это вызвало к жизни чрезмерные надежды вслед за показным роспуском Коминтерна, подписанием договора о союзе с Британией, закрытием Общества [Воинствующих] Безбожников, государственным покровительством Православной Церкви – эти скорее националистические, чем идеологические настроения проявили себя в советской прессе, особенно в критический момент войны.

Эти обстоятельства дали жизнь надеждам, которые не оправдались. Антирелигиозная политика ушла в прошлое, но в остальном господствовали реакция и глубокое разочарование. Мощное идеологическое наступление середины 1946-го года во всех сферах жизни советского общества сопровождалось полнейшим закручиванием гаек по отношению к иностранцам и постоянными атаками на западные ценности...

Послевоенное развитие советской политики охарактеризовалось резким поворотом от ограниченного сотрудничества с иностранцами, которое разрешалось, когда Советы сражались за свое существование. Старая история о том, «когда Сатана был болен». Советы хотят получить от остального мира столько, сколько возможно, и ничего не дать взамен. Недоверие, неприязнь, даже ненависть к иностранцам усердно культивируются среди людей в официальных кругах и в прессе. За небольшими исключениями, холодность и резкость со стороны высших чиновников стали еще более заметны в послевоенный период. Когда я покидал Москву в начале июля 1947 года, общее настроение среди иностранцев сводилось к ожиданию еще большего ухудшения их положения.

8 августа 1945 г.

Сегодня вечером московское радио объявило, что в полночь начинается война с Японией. Это было бы куда более хорошей новостью несколько месяцев назад. Советы выбрали время, когда [наилучший] психологический момент для этого уже прошел. Япония побеждена, и Советам только и осталось, что добить ее вместе с другими.

12 августа 1945 г.

Сегодня прошел большой физкультурный парад на Красной Площади, но народ ничего не увидел. Улицы вблизи Красной Площади были заблокированы. Парад великолепно смотрелся издали благодаря обилию ярких цветов. С близкого расстояния было видно, что костюмы и наряды не особенно изящны, но девушки, которые составляли большинство участников, выглядели ярко, жизнерадостно и очень привлекательно. Мы имели возможность видеть все это очень недолго из окон апартаментов новозеландского посла, затем пришло распоряжение закрыть окна. Мы возразили в том

смысле, что люди смотрят на происходящее из окон расположенной напротив гостиницы «Москва». Но все было напрасно. Вместе с горничной пришел одетый в гражданское человек из НКВД и дождался, пока мы не закрыли окна.

14 августа 1945 г.

Советы уже начали заявлять, что это они победили Японию, и в советской прессе нет и упоминания об атомной бомбе... Сегодня «Правда» написала: «О мощи нанесенных советской армией ударов можно судить по тому, что именно сейчас Япония начала склоняться к капитуляции».

15 августа 1945 г.

День Победы; особенный день для всех австралийцев.

Здесь не объявляют праздника или каких-либо торжеств. Но у британцев и американцев собственные торжества. Особого возбуждения нет, так как мы на протяжении нескольких дней ожидали капитуляции Японии... Газеты говорят людям, что, хотя война и закончилась, надо продолжать упорно трудиться. Ни о какой расслабленности не может быть и речи. Одна женщина – иностранный корреспондент - сегодня сказала мне, что написала очерк о русском чиновнике, от которого услышала следующее: «Что ж, шестидневная война закончилась». Она ответила очень веско: «Для нас это была шестилетняя война». Советский цензор вымарал эти строки, когда она сдала очерк на проверку тем же вечером.

29 сентября 1945 г.

Советы в настоящее время яростно нападают на идею создания Западного блока, в то время как сами создают Восточный блок. Единственная надежда на мир, которую я вижу в будущем, - это сильный Западный блок, не для агрессии, что немисливо, а для заслона от Советов. Одновременно с этим во всех демократических странах необходимо вести разъяснительную работу, чтобы показать, насколько советская система противоречит правам человека не только в христианском их понимании, но и в свете наиболее передовой мысли, которая через столько тягот за многие века вывела человечество из варварского состояния.

Народ Австралии должен знать, в каких ужасных условиях здесь живут, - в полном отрицании свобод, с выжиманием последних соков из трудящихся масс, с глубокой пропастью между привилегированными и неимущими классами, с разрушением душ и тел. Если бы люди из других стран, борющиеся за лучший мир и справедливый порядок вещей для рабочих и искренне верящие в то, что Советская система является шагом вперед на пути к этой цели, знали бы правду, в их настроениях наступил бы перелом...

31 декабря 1945 г.

Оборачиваясь на прошедший год и вспоминая советскую непримиримость, я ясно вижу, что перспективы сотрудничества между великими державами по фундаментальным вопросам исчезли. Каков бы ни был уровень согласия, достигнутый к настоящему времени, он был достигнут только тем, что [союзники] Кремля заставили его повернуть в давление, как путь достижения своих целей...

23 февраля 1946 г.

По сей день в советской прессе не было упоминания о том, что Бевин (министр иностранных дел лейбористского правительства Великобритании в 1945-51гг. – ВК) предлагал продлить Англо-Советский Договор на пятьдесят лет. Таким образом,

русские люди не имеют возможности узнать о том, что была подставлена другая щека – беспрецедентное событие с учетом того, сколько раз Бевина и Британию пытались спровоцировать постоянные советские нападки в Совете Безопасности и в советской прессе.

26 февраля 1946 г.

Судя по огромному количеству антибританских материалов в московской прессе, наступление на Британию переживает свой пик. Эффект от этого может быть противоположен тому, чего добиваются Советы. Они боятся больше всего возрождения германской военной мощи, но их теперешняя политика должна неминуемо привести к восстановлению баланса сил.

16 марта 1946 г.

Поразительно, что д-р Эватт (министр иностранных дел лейбористского правительства Австралии в конце ВМВ и первые послевоенные годы – ВК) 13 марта в парламенте, отвечая на вопрос: «Стремится ли Россия к агрессии?», сказал, что с его точки зрения, советская политика имеет целью преимущественно самооборону и что пессимизм по поводу отношений с Россией кажется ему необоснованным. Как он может говорить такое, имея в своем распоряжении всю информацию, приводит меня в полное изумление.

2 апреля 1946 г.

«Новое Время» в 7-м номере резко набрасывается на бывшего австралийского посла Мэлони за его критику в адрес Советского Союза. Этот режим считает себя вправе жесточенно критиковать других, но отказывает в этом праве тому, кто хочет сказать миру правду о нем. Особенно упорно статья возражает против критических замечаний Мелони по поводу острого классового неравенства в Советском Союзе, с которыми я полностью согласен.

Советская теория о том, что в демократических странах пресса принадлежит монополистическому капиталу или контролируется организациями, заинтересованными в искажении или замалчивании правды при видимости последней, не выдерживает критики. Она игнорирует два основных факта:

1) Успех и само существование газеты в этих странах зависит от общественного мнения. Без читателей нет ни тиража, ни объявлений. Говорить о том, что рекламодатели контролируют газеты, - это то же, что ставить телегу впереди лошади. Объявления размещаются читателями, и, таким образом, это читатель контролирует, делает или закрывает газеты. Существование печатных органов зависит от доброй воли сотен тысяч читателей, и никак не скажешь, что в Австралии, Америке и Британии они контролируются «монопольным капиталом»;

2) Любой вопрос, безразлично, насколько он невразумителен или непопулярен, может подлежать обсуждению в демократических странах, что, конечно, невозможно в Советском Союзе. Это особенно характерно для коммунистической деятельности в стране, подобной Австралии. Наши местные коммунисты имеют свою собственную прессу и свободно подвергают нападкам существующий в Австралии строй. Подобная ситуация немыслима в Советском Союзе. Эти коммунистические органы печати не столь велики и влиятельны, как крупнейшие ежедневные издания, потому что ими интересуется бесконечно малая часть австралийского народа.

Было забавным прочесть, находясь в Москве, что в Сиднее появилась газета или нечто подобное под названием "Ourselves and Russia" («Мы и Россия»), и что одним из ее редакторов был назван злобный англофоб Илья Эренбург. Выпуск в Москве журнала под

названием «Мы и Австралия» был бы абсолютно невозможен. Распространение советской пропаганды в австралийских городах в то время, как пропаганда нашей системы в Советском Союзе запрещена, конечно же, является неприемлемым нарушением свободы печати и информации, на которой основывается наш подход к общественной жизни; но мы должны разрешить это во имя свободы. То есть, тот факт, что коммунистические газеты и пропаганда разрешены в демократических странах, сам по себе является опровержением заявлений о том, что в этих странах пресса находится в руках «монополистов и скупердяев, интересующихся только прибылями и увековечиванием своих господствующих позиций», поскольку допущение коммунистической пропаганды полностью противоречит частным и личным интересам подобных личностей.

Наиболее четкое впечатление, которое возникает у любого от внимательного прочтения «Правды» или «Известий», - это резкий, оскорбительный, часто угрожающий характер выражений, употребляемых в отношении других народов – постоянное приписывание им низменных мотивов, отказ в том, что у них могут быть благородные намерения или даже просто заурядная порядочность; их черная неблагодарность по отношению к верным, щедрым союзникам, которые продолжали бы воздерживаться от военных действий и отдали бы Советы на съедение Гитлеру, если бы руководствовались мотивами, которые приписывают им органы советской печати. Это, как постоянно заявляет советская пресса, было истинной целью Британии и Америки со времени Мюнхена. Что касается лично меня, то я приехал в Советский Союз с чувствами преклонения и восхищения героизмом [русских]. Ничто меня не потрясло больше, чем недружественные и скупые отзывы по адресу Британии и Америки, постоянно публикуемые в советской печати, в том числе, задолго до окончания войны...

Вспоминая полную свободу перемещений и контактов, предоставленную Михееву (*корреспондент ТАСС, один из участников создания советской шпионской сети в Австралии в 1940-х годах – ВК*), я не переставал задавать себе вопрос о том, а не стоило ли ответить взаимностью и позволить советским корреспондентам в британских странах такую же степень свободы, которая была дана британским корреспондентам в Москве? Это единственный принцип, на основе которого можно иметь дело с советскими представителями. Обученные презирать людей, которые им помогают, они далеки от того, чтобы ценить уступки, помощь или [предоставляемые им] привилегии. Их учат верить – и многие из них действительно верят – что никто не поступает по-дружески, не помогает или не ведет себя благородно просто ради всего вышеперечисленного – подобные вещи делаются только из страха, насильно или для обмана. Они отвергают то, что мы называем доброй волей – и это трагедия нашей эпохи. Но вот применение принципа обоюдности – это то, что типичный советский функционер с готовностью понимает и даже уважает... Просто удовлетворяя просьбы Советов в одностороннем порядке, противоположная сторона получит обратно только презрение. Если бы англо-американские власти основывались на строгом принципе взаимной выгоды в отношениях с Советами в конце войны, большая часть проблем, создаваемых сегодня коммунистической агрессией, могла бы быть разрешима. ТАСС, особенно в свете разоблачения его роли в Канаде, не должно иметь в британских странах возможностей, более широких, чем предоставляемые британским корреспондентам в Москве.

Доклад Королевской Комиссии о сети шпионажа в Канаде показал, что Деканозов, в то время второй заместитель министра иностранных дел, давал представителям ТАСС определенные задания. Так была установлена связь между Советским МИДом и секретной деятельностью ТАСС.

Очевидно, что советская пресса – это просто часть государственного аппарата – пропагандистская машина, работающая только на то, чтобы выражать точку зрения Коммунистической Партии по всем вопросам внутренней и внешней политики Советского Союза и обеспечивать незыблемость нынешнего режима. Эти цели, конечно же, хорошо известны русским людям. Реальное воздействие советской прессы на их умы трудно оценить, но неизбежным является то, что постоянное давление, оказываемое 5600

газетами с дневным тиражом, по меньшей мере, в 30 миллионов экземпляров, имеет мощный эффект, особенно там, где у людей нет возможности вступить в прямой или косвенный контакт с внешним миром - в провинции и бесчисленных деревнях.

... Советская пресса проповедует ненависть и подозрительность и, вероятно, является главной угрозой миру во всем мире на сегодняшний день. Она психологически подготавливает русских людей к возможности войны. Ежедневно сообщения ТАСС утверждают, что возрождается фашизм, организовываются антисоветские кампании и заговоры, проводятся недружественные акты и идет подготовка к войне в той или иной стране: в Соединенных Штатах, Британии, Швеции, Китае, Норвегии, Италии, Испании, Аргентине, Бразилии, Канаде, Австралии – везде, где есть какая-либо оппозиция политике Советов. Если эти сообщения оказывают какой-либо эффект, то они, должно быть, настраивают русских людей на враждебное отношение к другим народам. Все, кто не согласен с политикой Советов, объявляются ТАСС и советской прессой фашистами, и все время слышны крики по поводу [враждебного] окружения. Вся трагедия заключается в том, что отравление умов миллионов лишено всякого смысла. Все хотят дружить с Советами, объединиться с ними в строительстве нового и лучшего мира на руинах старого. Но коммунизм не понимает дружеского отношения. Он понимает только силу и принуждение.

1 мая 1946 г.

Первомай прошел под знаком тех же ограничений тюремного типа в нашей гостинице – персоналу посольств разрешили наблюдать демонстрацию при входе на Красную Площадь только через закрытые двойные окна, хотя окна (зарезервированной для русских) гостиницы «Москва» напротив нас были широко открыты. Протесты не привели ни к чему. В коридорах гостиницы были полно одетых в гражданское сотрудников МВД...

7 января 1947 г.

В первом номере «Нового Времени» за 1947 год опубликована большая статья, посвященная анализу англо-американских отношений, в которой говорится, что после войны британская политика была направлена против Советского Союза. На самом деле наблюдается обратное. Со времени окончания войны не было ничего другого кроме нападков и оскорблений по адресу британской политики. Советы дважды набрасывались на Британию в Совете Безопасности и даже не удосужились уведомить свой народ о том, что Британия предлагала продлить срок действия англо-советского договора на пятьдесят лет. Только после Фултонской речи Черчилля советских людей проинформировали об этом. Я не видел в советской прессе ничего, кроме враждебных выпадов против Британии. Советы с момента окончания войны не изъяслялись никакой воли к ответному проявлению дружеских чувств, которые, несомненно, существовали у Британии и ее народа по отношению к Советскому Союзу в конце войны. Тогда был большой запас доброй воли по отношению к Советам, и это не вина Британии, что он был утрачен.

10 января 1947 г.

Сегодня «Известия» опубликовали статью своего военного корреспондента Галактионова о сражении у Эль-Аламейна, особенно подчеркивающую роль прорыва Монтгомери в центре немецкой обороны, ставшего, по его словам, решающим моментом битвы. Галактионов не упомянул 9-ю австралийскую дивизию (Александр имеет ввиду поворотный, по мнению многих, момент сражения - прорыв австралийцами северного фланга немецко-итальянской линии обороны – ВК).

В 5-м номере газеты «Культура и Жизнь» от 20 марта 1947 года академик Тарле опубликовал статью, ожесточенно нападающую на русские передачи Би-Би-Си, заявляя,

что они вводят в заблуждение советских людей. Следующий отрывок из статьи представляет интерес для австралийцев:

«В своих передачах Би-Би-Си не упускает возможности к месту и не к месту упомянуть Австралию. Одна особенность этих передач об Австралии, однако, изумляет советских слушателей. Би-Би-Си ни разу не затронула вопрос, почему нападки Эватта и других австралийцев и новозеландцев на СССР случаются столь часто и всегда настолько враждебны. По этому поводу Би-Би-Си хранит гробовое молчание. Мы услышали о изумительных свойствах сердца и ума министра МакКелла, «символа социального равенства» (передача от 7 февраля), и о слесарях и кузнецах, которые стали во всех отношениях замечательными и сверхдемократичными министрами в Австралии. Но почему эти выбившиеся в министры слесаря и кузнецы все без исключения с радостью нападают на СССР, мы так и не узнали. Советским слушателям это было бы несравненно более интересно в отличие от того, что МакКелл любит бокс...»

«Новое Время» - влиятельный советский еженедельник, посвященный международным делам, в своем номере от 1 мая 1947 года опубликовал под заголовком «Австралийский Рай» статью, крайне недружелюбно комментирующую попытки Австралии привлечь иммигрантов, насмехаясь над утверждениями о хороших условиях жизни в Австралии и обращая внимание на наличие трущоб в Сиднее. Она описала иммиграционную политику как нацеленную на привлечение дешевых рабочих рук, нужных «скотовладельцам и фабрикантам». Она утверждала, что среди демобилизованных солдат в Мельбурне и Сиднее много безработных и широко распространено недовольство. *«Декларации о высоком уровне жизни в Австралии уже были разоблачены, как сказки».*

В статье о послевоенной Австралии, опубликованной Захариным в «Новом Времени» от 10 марта 1948 г., Австралия охарактеризована как страна, в которой бродяга скорее утопитя в пруду, чем сдастся полиции (*в подтверждение приводится цитата из песни "Waltzing Matilda" - неофициального гимна Австралии, написанного в конце 19 века и повествующего о печальной судьбе бродяги-овцекрада – ВК*); где люди рождаются и умирают на обочинах дорог; где правящие классы «дрожат перед наступлением демократических идей». Ни один австралиец не станет принимать эту чепуху всерьез, но следует помнить, что «Новое Время» распространяется большими тиражами на иностранных языках во всех странах, где есть коммунистические организации. Это одно из наиболее читаемых периодических изданий, и миллионы простофиль в других странах принимают его статьи за святое откровение. Ложь и искажение действительности, публикуемые в «Новом Времени» о какой-либо стране хотя и кажутся абсурдом ее гражданам, в другой стране жадно поглощаются попутчиками (*вероятно, имеются в виду люди с левыми взглядами – ВК*); при этом печатное разоблачение фальшивки об этой стране не снижает ее пропагандистского эффекта. Но ни одна страна, у граждан которой есть национальная гордость, не позволит безнаказанно делать вредоносные заявления о ее образе жизни.

Насколько известно, австралийский МИД или Департамент Информации ни разу не сделали попытки вынудить «Новое Время» или какой-либо другой советский орган, опубликовавший фальшивую и вводящую в заблуждение информацию об Австралии, напечатать опровержение. Подобные попытки были бы, конечно, бесплодными, но они, в любом случае, продемонстрировали бы бдительность тех, на кого возложена ответственность защищать за рубежом доброе имя Австралии.

Итак, это то, что пишут об Австралии в Москве. Только один раз во время моего пребывания в Москве прочел я что-то похожее на похвалу в адрес австралийской политики, и было это в 1947 году, когда, руководствуясь тем принципом, что любая палка хороша, чтобы поколотить собаку, советская пресса поддержала протест Д-ра Эватта против решения генерала Макартура организовать второе по счету плавание японских китобоев в Антарктические воды...

... С момента Парижской Мирной Конференции 1946 года те, кто осуществляет австралийскую внешнюю политику, безо всякого противодействия проглотили все советские нападки на Британию и австралийский образ жизни и даже занимали антибританскую позицию вместе с Советами на международных конференциях. Эта позиция не отражает настроения австралийского народа, который будет последним из числа тех, кто отвечает дружкой на пинки – на презрение, оскорбления и искажения, о которых говорилось выше.

Когда наши «попутчики» говорят о необходимости дружбы с Советским Союзом, им следует помнить, что дружба – процесс обоюдный. Когда наши собственные замаскировавшиеся коммунисты и их попутчики говорят о доброй воле Советов, австралиец, который знает о том, что говорят советским людям о нас, вспоминает старую поговорку: «Вероятно, с твоей стороны было разумно изображать любовь, но зачем было спускать нас с лестницы?».

17 января 1947 г.

Я был поражен, увидев номер журнала «Россия и Мы», выходящего в Сиднее (представьте себе, что русские разрешат нам публиковать в Москве газету под названием «Австралия и Мы»). Еще более поразительным было увидеть среди редакторов газеты Илью Эренбурга, писателя, который насмеяется над всем британским, включая вклад Британии в войну. Я хорошо помню, как он писал о том, что Советы были в одиночестве в течение года после нападения Германии, возмущение от написанного им о событиях 1939-40 годов, молотовское обвинение Англии и Франции в агрессии... после своей недавней поездки в Америку он написал серию статей, которые, должно быть, вызвали у ничего не подозревающих русских, которые ему верят, неприязнь ко всему американскому.

18 января 1947 г.

Оглядываясь на прожитое мною здесь, я не могу не думать о том, что наихудшим из всего увиденного была пропасть между привилегированными и неимущими классами. Все прочее, что поражает нас, как странное и неправильное, можно простить, потому что это другой народ с другим мышлением. Но привилегии в системе, которая претендует на то, что она существует для всеобщего блага, непростительны. Это фундаментальная несправедливость по отношению к массам. Кроме контроля за питанием и перемещениями каждого человека, привилегии являются кардинальной чертой этой системы, поскольку обеспечивают интересы различных групп, которые стоят на страже режима. Когда мы видим вокруг себя, как тяжело живет простым людям, полное отвержение вызывает система коммерческих магазинов с предметами роскоши и дефицитными товарами только для тех, кто может за это заплатить, закрытые магазины со специальными секциями для военных, интеллигенции, членов партии и им подобных.

21 января 1947 г.

Номер журнала «Тайм» содержит статью, в которой на основании секретных документов утверждается, что дважды, и, в том числе, в 1943 году, Советы хотели заключить сепаратный договор с Гитлером, но Германия предлагала недостаточно много. С этим могли быть связаны два выступления покойного премьер-министра [Австралии] Кертиса, в частности, в конце 1943 года, когда он официально предупредил на пресс-конференции в Канберре о том, что существует опасность заключения Россией сепаратного мира.

Генерал-майор Джон Р. Дин, который возглавлял Американскую Военную Миссию, когда мы приехали в Москву, написал книгу под названием «Странный Союз» ("Strange

Alliance"), в которой, судя по только что прочитанной мною рецензии, привлек внимание к хорошо знакомому и мне отсутствию духа сотрудничества, подозрительности и другим странным чертам характера русских официальных представителей. В то же время, он пишет о восхитительных свойствах характера простых русских людей, которых он встречал, и приходит к заключению, что между народом и правительством существует глубокая пропасть. Разумеется, и я пришел к этому выводу.

4 февраля 1947 г.

Вышедший на этой неделе номер «Нового Времени» нападает на генерала Дина за его книгу об опыте жизни в России. Книга названа «клеветнической». Его обвиняют в том, что он пытался сократить помощь по ленд-лизу и был против открытия Второго фронта на Западе, предпочитая наступление на немцев через Балканы. Его описывают как ученика Черчилля. Интересным и наиболее важным является то, что это демонстрирует советские методы – читателю не предоставляют никаких деталей, у него нет возможности узнать об обвинениях (в адрес советской стороны – ВК) в неэффективности и медлительности, небрежному отношению к ценным военным материалам, слабой поддержке Советами окончившегося катастрофой эксперимента по челночным бомбежкам (очевидно, имеется ввиду разгром американской авиабазы в Полтаве (СССР) немецкой авиацией – ВК).

Суббота, 8 февраля 1947 г.

Вслед за книгой генерала Дина, которая вызвала такой гнев у «Нового Времени», бывший глава Британской Военной Миссии (генерал-лейтенант Сэр Чарльз Мартел), который был здесь до меня, написал подобную же книгу, которая вызвала еще один взрыв негодования у «Нового Времени». Чем больше я думаю о вызванном критикой гневе в официальных кругах, тем более я осознаю, причиной его является страх. Это признание того, что мысль сильнее физической силы. В противном случае, режим, столь крепко укорененный, с неограниченной властью в своем распоряжении мог бы просто махнуть рукой в ответ на то, что говорится о нем. Но факт заключается в том, что Советы боятся критики и ненавидят ее больше, чем что-либо другое, таким образом, выставляя в смешном виде свой собственный философский постулат о том, что материя первична.

26 февраля 1947 г.

Один писатель в Англии недавно спросил: «Насколько Коммунистическая партия уверена в своих силах в России?» Не очень сильно уверена, думается мне уже с давних пор. Острое желание полностью приписать себе заслуги в победе над странами Оси и, в общем, истеричность в осанке, которую стали петь партии большевиков в конце войны, убедили меня в том, что она чувствовала шаткость своей позиции тогда, когда наиболее критический момент войны был уже давно позади. Нынешнее закручивание гаек вызвано этим страхом.

Суббота, 2 марта 1947 г.

На этой неделе в «Новом Времени» опубликована статья, яростно нападающая на Джеффри Бландена за его книгу «Комната по Дороге» ("A Room on the Route"), показывающую советский режим в самом неприглядном свете. Интересно и примечательно для всех таких случаев то, что, хотя книгу и охарактеризовали как «полную грязной клеветы» на Советский Союз, советский читатель может только догадываться, что это за «клевета». Ему не дают информацию, на основе которой он может составить собственное мнение.

6 марта профессор Зварич прочел лекцию о роли британских доминионов в международных отношениях. Вот его оценка роли Австралии в войне: «Правительства Лайонса и Мензиса были твердыми сторонниками политики Мюнхена, и Австралия приветствовала японскую агрессию в Манчжурии и Китае рассчитывая, что это нацелит [дальнейшую] японскую агрессию на СССР. В 1941-м Австралия сама столкнулась с угрозой японской агрессии, которая заставила ее забыть о всем остальном и встать в оппозицию к открытию второго фронта в Европе. Равнодушие Австралии к судьбе Европы в 1941-42 годах следует вспоминать тогда, когда Эватт требует права слова в таких вопросах, как выплата Румынией репараций».

Я ни разу не видел дружелюбного комментария в адрес Австралии в прессе – все только враждебное.

18 апреля 1947 г.

Эренбург начал публиковаться в «Культуре и Жизни», нападая на передачи «Голоса Америки» на русском. Он повторил свою старую излюбленную ложь о том, что Советы остались в одиночестве против нацистских орд. Опубликованное в журнале «Лайф» заявление Черчилля о том, что Советы хотят не войны, а ее плодов, является совершенно точным, как и то, что твердое, но беспристрастное отношение к Советам – залог мира.

1 мая 1947 г.

Кэт (жена Александра – ВК) и я получили приглашение на Первомайский парад на Красной площади. Погода была исключительно солнечной. На пути была тройная система контроля. Процедура началась точно в 10 утра, когда Молотов и другие высшие чины (я не увидел Сталина, но он, по-видимому, был там) заняли свои обычные места на трибуне Мавзолея. Военный парад длился полтора часа, а затем двинулись тысячи специально отобранных рабочих со знаменами... Демонстрация рабочих длилась несколько часов.

Наиболее интересным фрагментом военной части парада было появление примерно пятидесяти реактивных самолетов, которые я впервые видел в полете. Они произвели большое впечатление, промчавшись на невероятной скорости. Мне сказали, что они были произведены по лицензии Королевских ВВС. Маршал Буденный с его знаменитыми усами командовал парадом, сидя верхом на великолепном скакуне. Парад произвел впечатление большим количеством участников, но был временами затянут и неприятно напоминал гусиный шаг фрицев. Когда началась демонстрация, диктор по радио стал произносить обычные лозунги и приветствия, каждое из которых сопровождалось раскатистым «Ура», служившим сигналом к ответным радостным крикам демонстрантов...

2 мая 1947 г.

В первомайском номере «Правды» Эренбург опубликовал статью об Америке, как обычно истекая ядом. О ее тоне можно судить по насмешливым отзывам о ленд-лизе. «Сталинградские улицы есть в сотнях европейских городов. Я ни разу не видел Ленд-Лизовской улицы». Однако, если где-то и должна быть Ленд-Лизовская улица, так это в Советском Союзе.

9 мая 1947 г.

Сегодня – День Победы, и статьи в московской прессе посвящены тому, чтобы убедить в следующем: союзники Советов толком не воевали. В «Правде» пишут о «четырёх годах войны». Праздничный лозунг на передовой странице «Правды» гласит: «Два года

назад советский народ и его вооруженные силы окончательно разгромили фашистскую Германию и триумфально завершили Великую Отечественную Войну». Одна статья в «Правде» гласит, что наиболее весомый вклад в победу внес советский народ. Затем в ней оживают старые жалобы о Втором Фронте со словами о том, что войну можно было закончить на год раньше. «Сегодня, - говорится в статье, - мы могли бы отмечать третий год победы. Мы могли бы приветствовать среди нас многих, память о которых сейчас полна печали. Мы не виноваты в том, что война затянулась еще на один - четвертый (sic) год». Автор статьи добавляет, что «некие друзья» пытались затянуть войну и предотвратить полный разгром гитлеризма.

Определенно, для Советов это была четырехлетняя война, но для Британии и Австралии это была шестилетняя война.

17 мая 1947 г.

Сегодня я зашел в помещение ТАСС, чтобы попытаться купить какие-нибудь фотографии Кремлевских соборов. Я обнаружил, что вход и коридоры охраняются сотрудниками МВД в форме. Все входящие в лифт или выходящие из него должны были показывать пропуск. Меня не пропустили в международную секцию, потому что, как мне сказали, никто не имел права разрешить выдачу мне пропуска. ТАСС, очевидно, находится под специальной охраной МВД. Но почему мы в Австралии разрешаем представителям ТАСС бывать везде, даже посещать оборонительные сооружения, военные объекты и тому подобное. Какие мы по-глупому доверчивые!

20 мая 1947 г.

Британская Лейбористская партия выпустила книгу по вопросам международной политики, которая, наконец-то, демонстрирует какую-то силу воли – «Карты на Стол». Она утверждает, вполне правдиво, что, начиная с 1945 года, Советы были настроены на то, чтобы свести на нет роль Британии, как европейской и ближневосточной державы. Она подчеркивает, что советская политика близорука, потому что с уничтожением британской мощи и влияния в этой части света здесь не останется кого-либо, способного оказывать сдерживающее влияние на возможную американскую агрессию, которую Советы, кажется, столь сильно опасаются. Могу заверить, что за время моего пребывания здесь я не прочел ни строчки, в которой содержалась бы хотя бы нечаянная похвала в адрес Британии. Но, несмотря на агрессивность и наглость советской прессы, Британия останется. И Соединенные Штаты – величайший подарок Британии всему человечеству – сами по себе в состоянии спасти Британию и британскую цивилизацию...

21 мая 1947 г.

Забавная история (вполне недостоверная, конечно же) пересказывается в дипломатических кругах: Молотов спросил Маршалла во время совещания министров иностранных дел: «Сколько зарабатывает средний американец?» - Маршалл: «Около 300 долларов в месяц». - «А во сколько ему обходится жизнь?» - «Примерно в 200 долларов в месяц». - «А что он делает с остальными деньгами» - «О! Это его дело». Маршалл затем спрашивает Молотова: «А сколько здесь зарабатывает обычный гражданин?» - «Примерно 1000 рублей в месяц». - «А во что ему обходится жизнь?» - «Примерно в 2000 рублей в месяц». - «А как он сводит концы с концами?» - «О! Это его дело». Здесь вся разница между двумя системами. Те, кто придумали это, хорошо знают условия жизни в Москве, потому что множество низкооплачиваемых работников вынуждены прибегать к какой-либо торговле или «спекуляции», как здесь называют торговлю на черном рынке, чтобы свести концы с концами.

«Русский Вопрос» (в определенной степени, антиамериканская пьеса К. Симонова – ВК) одновременно идет в трех московских театрах, отражая силу идеологических атак на Америку.

24 июня 1947 г.

Новая нота зазвучала в пропаганде московской прессы, направленной против союзников – не та, старая, об умышленной затяжке Второго Фронта, а заявления о том, что его вообще бы никогда не открыли, если бы Черчилль и другие не увидели, что советская армия сама в состоянии победить и оккупировать всю Германию. Это звучит единым аккордом с высказываниями одного московского лектора о том, что (во время бомбежек союзниками территории Германии – ВК) промышленность Западной Германии умышленно была сохранена в целости, (тогда как дома рабочих во Франции были разрушены) для того, чтобы после войны осуществлять экономическое давление на Францию...

Июль 1947 г.:

...Это был странный, но и самый пленительный период в нашей жизни. Мы постоянно ощущали здесь присутствие темных сил, борющихся за полное подавление прав человека, всего того, что Кэт и я считаем самым ценным в жизни. Эти силы не преуспели окончательно. Каждый, кому довелось жить рядом с ними, не может не полюбить русских людей и не восхититься их пассивным сопротивлением в войне против человеческой личности и духовной природы человека...

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник